

**МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК БОЛЬШОЙ РЕВОЛЮЦИИ:
КУРЯНЕ В 1917 ГОДУ**

Это может показаться странным, но в настоящей статье речь пойдёт вовсе не о революции. В статье не будет ни одного слова о политических программах, партийной борьбе и даже – о перерастании буржуазно-демократического этапа революции в социалистический. Ни слова о знамёнах, транспарантах, лозунгах. Наше повествование о людях, которым волей судьбы или злого рока пришлось жить в это время, которое в последствии получит определение «величайшего события XX века».

Февральские события в Петрограде породили надежды на скорое светлое будущее и ощущение неожиданно и неведомо откуда свалившегося вселенского счастья. Даже «верноподданническое» крестьянство, которому русская интеллигенция всегда приписывала чрезвычайную набожность и монархические взгляды, совсем не горевало по поводу утраты «царя-батюшки».

Русский бунт – бессмысленный и беспощадный – дело будущего, хоть и не столь отдалённого. Пока же, даже в условиях кризиса власти, разрушения надзирательно-карательных структур (жандармерии и полиции) серьёзных эксцессов, а тем более погромов или массовых беспорядков, относящихся к первым дням и даже неделям после известных событий в Петрограде, ни в архивных документах, ни в местной политически «разношёрстной» прессе первого постреволюционного месяца не зафиксировано.

Революция, как и весна, действовала опьяняюще. Газеты торжествовали: «По капле, по капле каждый из нас впитывает в себя эту неисчерпаемую радость. Оценят все. Оценит и раскрепощенный крестьянин, этот труженик и кормилец земли русской, по мере того, как свобода, раскрывая своё содержание и воплощаясь в осязаемые ценности, превратится для него в облегчение платёжного бремени, принесёт ему свет грамотности и знания, избавит его от рабской опеки и повседневных посягательств на его человеческое достоинство. Оценит и горожанин, когда увидит и почувствует, что сняты с него невыносимые оковы, что может он верить по совести своей, что волен он служить Богу, как он понимает, что свободен он говорить, как думает, что стало свободнее дышать ... О погодите, мы всё поймём и оценим ... Трудно сразу охватить всё значение этого ослепляющего и ошеломляющего счастья».¹

Старый режим виделся свободным гражданам даже в тех случаях, когда речь шла о простом соблюдении законности. «Язвой здешних мест» называла газета «Курский край» действия курского чиновника, исполнявшего свои должностные обязанности: «В Курске в последние два года «широкую известность» приобрел акцизный надзиратель Амелин: как Пинкертон акцизного ведомства. Амелин своими набегами буквально терроризировал местных торговцев. Производя, например, поиски не обандероленных папирос, он залазил к владельцам табачных и других лавок чуть ли не в карманы. И за каждую

найденную папиросу тащил к мировому. При старом режиме притерпевшийся обыватель не чувствовал так больно обиды от сыска г.г. Амелиных, так как тогда сыщики залазили не только в карманы, но и в душу обывателя. Теперь, когда вчерашний обыватель стал гражданином Пинкертоном Амелину должно быть указано его настоящее место. В редакцию поступают жалобы, что Амелин не только не оставил своей системы, но и добавил еще новые способы устрашения».²

16 марта 1917 г. газета «Курский край» поместила своеобразную статью-манифест: «В последние дни в русской жизни почувствовалась какая-то тревога, грозными тучами повисла над ликующей, обновленной страной, все вдруг почувствовали угрозу светлым начинаниям строительства новой жизни – почувствовали и встрепнулись».³

Однако, опьянение свободой, как и всякое другое, однажды проходит. Оставляя после себя весьма неприятные последствия. Первыми симптомами грядущего кризиса стал продовольственный вопрос. Непреложная истина гласит: человек всегда хочет есть, и эту физиологическую потребность организма нельзя заменить ни митингами, ни манифестациями, ни даже свободой.

Ранней весной 1917 г. продовольственный вопрос ещё не выглядел удручающе. В середине марта газета «Курский край» информировала читателей о состоянии продовольственного рынка в весьма радужных тонах: «На днях [кооператив] открывает в г. Курске, на базарной площади, против общественного клуба, в павильоне бывшего Гукасова лавку молочных продуктов. В эту лавку будут поступать молочные продукты Курасовской артели, которые ранее артель отдавала на комиссию в лавку г. Исаковой. В лавке будут продаваться продукты: масло парижское, сладко-сливочное, присоленное – кухонное, топленое и другие сорта; молоко стерилизованное, сливки, сметана, творог, сыр, яйца и др. Доброкачественность наших продуктов известна уже курянам по лавке г. Исаковой. Мы уверены, что куряне поддержат наше первое самостоятельное предприятие... Артель предлагает масло учреждениям, Красного Креста и Союза Городов – лазаретам и в любом количестве».⁴

За годы войны закупочные цена на хлеб увеличились вдвое, в то время как остальные предметы фабрично-заводского производства выросли в четыре раза. Это несоответствие цен очень неблагоприятно влияло на психологию крестьянина, и он не так охотно продавал свой хлеб, поскольку за него не мог купить себе на базаре других предметов хозяйственного и домашнего обихода. Было необходимо или установить такие же фиксированные цены на промышленные товары, или повысить цена на хлеб.

Уже в августе 1915 г. в целях обеспечения военных нужд в России были введены твёрдые цены на хлеб для правительственных закупок, а в декабре 1916 г. власть была вынуждена прибегнуть к хлебной развёрстке – многоуровневому распределению обязательств по поставке хлеба между губерниями, уездами, селениями и отдельными хозяйствами.

Эти меры не спасли ситуацию. Дефицит пшеничной муки и круп в Курске возник уже зимой 1917 г. и во многом определялся снежными заносами на

железной дороге, что вызывало затруднения в подвозе продовольствия в город. Поэтому Временное исполнительное бюро Курского губернского продовольственного комитета 23 марта 1917 г. ввело карточки для населения города и пригородных слобод, при чем в марте месяце, в виду праздников Пасхи, на каждое лицо выдавалось 7 фунтов муки разных сортов, а именно: 1 фунт крупчатки, 4 фунта 1-го сорта и 2 фунта 2-го сорта, по ценам: крупчатка и первый сорт – 13 коп., а второй сорт – 11 коп. за фунт.⁵

Пришедшее к власти в результате Февральской революции Временное правительство 25 марта (7 апреля) 1917 г. ввело хлебную монополию.⁶ Закон «О передаче хлеба в распоряжение государства» состоял из двадцати двух статей и ряда приложений к девятой статье, касавшейся установления твёрдых цен на хлеб. Весь объём «хлеба, продовольственного и кормового, урожая прошлых лет, 1916 г. и будущего урожая 1917 г.», должен был передаваться государству. Производитель мог оставить себе лишь установленный законом минимум для обсеменения полей, жизнеобеспечения своей семьи и занятых в хозяйстве лиц, а также для хозяйственных надобностей (прокормление скота).

Каждому владельцу хлеба было вменено в обязанность сообщать местным продовольственным комитетам сведения об имеющемся у него количестве хлеба. Весь хлеб подлежал сдаче в установленные сроки по твёрдым ценам. Обнаруженные в результате проверки скрытые хлебные запасы отчуждались в пользу государства за половину цены. У лиц, отказавшихся от добровольной сдачи хлеба, производилась реквизиция.

Полученный государством хлеб подлежал распределению среди потребителей по твёрдым ценам, установленным в местах закупок, с прибавлением необходимых накладных расходов. Залог хлеба и другие подобные операции «свободной торговли» запрещались.⁷

Итак, цены на хлеб в лавках и магазинах оставались «старыми», т.е. низкими, что не стимулировала подвоз зерна из деревенской округи. Хотя в целом местный рынок был неплохо насыщен продовольственными товарами. Вот каким образом обстояли дела 25 июля 1917 г.: «Вчерашний базар не отличался большим подвозом. Молоко продавалось по 1 руб. 30–1 руб. 50 коп. кувшин, творог – 45 коп. фунт, сметана – 90 коп. фунт, масло топленое – 3 руб. 20 коп. за фунт, яйца – 1 руб.–1 руб. 10 коп. десяток, картофель – 1 руб. небольшое ведро, огурцы – 20 коп. десяток, помидоры – 20–40 коп. штука, капуста – 60 коп. кочан, кукуруза – 50 коп. десяток. Подвоз ягод уменьшается с каждым днем. Вишни продавались вчера по 80 коп. фунт, малина – 70 коп., смородина – 50 коп. фунт. Много было яблок – падалиц, ценою 40 коп. десяток, сливы – по 45 коп. десяток. Городской смотровой пункт зарегистрировал очень небольшое количество свинных и бараньих туш. Сравнительно небольшой подвоз был и сена, которое продавалось по 1 руб. 50 коп. за пуд. Дожди последнего времени сильно испортили состояние дорог и уменьшили приезд крестьян в город».⁸

Беда заключалась в другом. В растущих ценах и, как следствие – инфляции. Виновниками роста цен были назначены перекупщики: «Они обступали каждый

привезенный воз и прямо с боя раскупали все продукты, не торгуясь и даже не спрашивая предварительно цены. Скупив таким образом все, что входило в расчеты наших базарных акул, они потом устанавливали совершенно произвольные цены, буквально обдирая покупателей. Такие факты наблюдались на базаре за Херсонскими и Московскими воротами и на главном – у Общественного клуба. На базарах у Бурнашева моста и у Покровской церкви перекупщицы давали возможность курянам покупать продукты из первых рук – непосредственно с подвод. Какая милость, подумаешь!»⁹

Начальником курской городской милиции, согласно постановлению губернской продовольственной управы, были сделаны распоряжения, «о недопущении скупки на базарах, с целью перепродажи, сала, яиц и других продуктов первой необходимости». С целью борьбы с перекупщиками были назначены наряды милиции, обязанные дежурить с 5 ч. утра. Лица, уличенные в спекуляции, должны были привлекаться к ответственности.¹⁰

Курский губернский продовольственный комитет принял 11 августа 1917 г. постановление о воспрещении вывоза за пределы Курской губернии скота, мяса, сала и яиц, ссылаясь на необходимость обеспечения заготовок для нужд армии и в целях борьбы со спекуляцией.¹¹

Законы физики гласят: на всякое действие возникает противодействие. Если оптовая скупка с целью перепродажи запрещена на рынках, то ... Дальше нетрудно догадаться: перекупщики стали перехватывать товар на дальних подступах, при въезде в город и даже, выезжая в близлежащие деревни.

В довоенном денежном обращении России находились кредитные билеты Государственного Банка, золотая, серебряная и медная монеты. Небольшое место занимали суррогаты денежных знаков: билеты (серии) и купоны к ним государственного казначейства, обращавшиеся в крупных центрах в сфере оптовой торговли.

Но если эмиссия денег царского правительства не выходила за рамки потребностей военного времени, а средства на содержание администрации были сокращены, то пришедшая к власти демократия, не считалась ни с какими расходами на поддержание в центре и на местах представительных органов. С первых дней своего существования Временное правительство приступило к активной эмиссии бумажных денег.

При Временном правительстве продолжался выпуск царских денег всех номиналов (как их называли тогда, «романовских» или «николаевских») с соблюдением порядковой нумерации, но с другими литерами серий.

Выпускались также государственные кредитные билеты, казначейские разменные знаки, почтовые марки. Обращение по сути суррогатных платёжных средств создавало для населения дополнительные трудности: «С пресловутыми бумажными деньгами сущее горе. Мало-мальски помятую и грязную марку у вас не возьмут ни в одной лавке, особенно в мелочных лавочках с незначительным дневным оборотом. Но зато на базаре вам при сдаче обязательно норовят всучить самые грязные и потрёпанные марки, и если вы их отказываетесь принять, вам

ничего не продадут. Вследствие того, у курян возникла мысль о подаче Временному правительству просьбы о замене этих «злосчастных марок-монет» бумажками такого образца, как бумажные деньги в 3, 2, 1 и 5 копеек. Помимо загрязнения, марки неудобны ещё тем, что они часто прилипают друг к дружке и не мало насчитывается таких покупателей, которые второпях вместо 10 коп. платят за какую-либо мелочь, например, яблоко 20 коп.»¹²

Для устранения денежного голода Временное правительство решилось на выпуск крупно-номинальных кредитных билетов. В соответствии с указом от 26 апреля 1917 г., в денежное обращение были выпущены государственные кредитные билеты достоинством в 250 и 1000 рублей. Государственные кредитные билеты 1917 г. оказались деньгами весьма своеобразного вида. Их украшали три эмблемы-символа: герб Временного правительства, изображение Таврического дворца и свастика.

Отношение населения к царским деньгам и купюрам Временного правительства оказалось различным. Несмотря на инфляцию 1914–1916 гг., народ считал царские купюры «крепкими» деньгами и использовал их для сбережений. Поэтому, как в 1916 г. исчезли из обращения золотая и серебряная монеты, так и в 1917 г. из оборота стали исчезать царские бумажные деньги, сначала больших, а затем и всех номиналов. Крупные купюры почти полностью исчезли из обращения уже летом 1917 г. Таким образом, в России наблюдалось весьма интересное явление. Новые денежные знаки Временного правительства, в частности «керенки», население стремилось использовать в качестве средства обращения и платежа, а крупнейшие купюры кредитных билетов – как объект для накопления.

Все виды денег, выпущенные при Временном правительстве, гораздо быстрее получили обращение в городской среде, где рабочим и служащим ими выплачивались заработная плата и жалованье. В сельской же местности больше ценились «романовские» деньги. В своих расчетах крестьяне «думки» и «керенки» котировали на 15–20% ниже «царских».

Денежные знаки Временного правительства

20 рублей

или «керенка», названная по фамилии министра-председателя Временного правительства А.Ф. Керенского

1000 рублей

или «думка» с изображением Таврического дворца в Санкт-Петербурге, где заседала Государственная Дума

Цены стремительно ползли вверх, население, пытаясь обезопасить своё ближайшее будущее в преддверии повышения цен, скупало «дешёвые» продукты, прежде всего длительного хранения – муку и крупы, вызывая ажиотаж и панику.

Но хлеб в губернии ещё имелся в достаточном количестве, что и было подтверждено на совещании по учёту хлебных запасов в губернском продовольственном комитете в присутствии эмиссаров из Петрограда 18 августа 1917 г.¹³ Но находился он в крестьянских амбарах (в ожидании повышения закупочных цен) и на ссыпных пунктах железнодорожных станций (в ожидании вагонов для отправки на фронт).

Крестьянство выжидало, когда твёрдые цены на хлеб вырастут. И вот столь долгожданное событие наступило. 26 августа 1917 г. Временное правительство рассмотрело представление Министерства продовольствия об изменении и дополнении соответствующих статей постановления о передаче хлеба в распоряжение государства. В принятом решении указывалось: ««...» Твёрдые цены на все хлеба урожая 1917 года прошлых лет счисляются в двойном <...> размере».¹⁴

Исполняя решение Временного правительства, Курская губернская продовольственная управа объявила во всеобщее сведение, что ««...» с повышенной стоимостью хлеба продажная цена на печёный хлеб в г. Курске и слободах Ямской, Казацкой, Стрелецкой и Пушкарной» установлены следующие:

1. При продаже хлебопекарнями в розничные лавки (оптовая):
 - ржаной хлеб – 6 руб. за пуд;
 - пшеничный хлеб – 9 руб. 60 коп. за пуд.
2. При розничной продаже населению из лавок:
 - ржаной хлеб – 18 коп. за фунт;
 - пшеничный хлеб – 26 коп. за фунт».¹⁵

Решение Временного правительства о повышении твёрдых закупочных цен на хлеб было встречено городским населением крайне негативно. Губернские власти поспешили успокоить население, заявив, что в настоящее время Курск хлебом обеспечен, склады полны как ржаной, так и пшеничной мукой.¹⁶ Но люди уже не верили заявлениям. Возникший хлебный кризис был следствием не только и не столько объективных обстоятельств, но ажиотажных настроений. Буквально в течение первой декады сентября в Курске возникли очереди у лавок, продающих продукты питания.

Специально созданная гласными Курской городской Думы Комиссия по облегчению продовольственного кризиса среди прочих мер предложила открыть городские продовольственные лавки в районе Чулковой и Лысой горы (1-я часть города), на Флоровской и Ендовищенской улицах (2-я часть города), на Бурнашевской площади, на Цыганском бугре, в районе Белой Горы и Чёртова моста (3-я часть города), в районе Покровской, Михайловской и Луговской улиц (4-я часть города). Кроме того, был объявлен сбор пожертвований для открытия дешёвой столовой «для отпуска в ней обедов и для выдачи таковых на дом по себестоимости или по пониженной цене», а также организации бесплатных

горячих завтраков в начальных школах и бесплатную раздачу молока грудным детям.¹⁷

Ситуация со снабжением городов продовольствием менялась так стремительно, что в сентябре над десятками тысяч людей нависла угроза голода, о которой даже не могли подумать ещё пару месяцев назад.

Теперь уже Исполком Губернского Народного Совета 15 сентября 1917 г. в срочном порядке рассмотрел вопрос о ценах на хлеб. Выступающие считали, что Временное правительство, повышая закупочные цены на хлеб, вместо увеличения его поступления в города и армию, способствовала спекулятивным настроениям и резкому росту розничных цен. После прений было решено ходатайствовать перед министерством продовольствия «о немедленной установке бывших твёрдых цен на хлеб».¹⁸

Ситуация в уездах складывалась достаточно однотипная: для крестьян такое увеличение представлялось не существенным, так как не покрывало более кратный рост цен на промышленные товары. Тимский уездный Народный совет принял достаточно жёсткое и категорическое постановление: «Считать введение новых цен на хлеб невозможным и губительным для государства и дела революции <...> Тимский народный совет, как объединяющий орган всех общественных революционных организаций уезда, отказывается заставить население поставлять хлеб и слагает с себя всякую ответственность за могущие быть печальные последствия <...>».¹⁹ Приведённое выше постановление Тимский уездный Народный совет направил не только губернскому продовольственному комитету и Губернскому Народному Совету, но и в адрес министра продовольствия Временного правительства и его Председателя – А.Ф. Керенского.

Комиссары Дмитриевского, Ново-Оскольского, Обоянского, Рыльского, Сужданского, Фатежского уездов телеграфировали в губернский центр, что повышение цен не увеличило подвоз зерна на ссыпные пункты, а, напротив, способствовало общему росту цен на все остальные продовольственные товары. Комиссар Ново-Оскольского уезда сообщал: «Недовольство населения всеобщее. Могут пройти беспорядки».²⁰

Последние не заставили себя ждать: в губернском центре начались погромы на продовольственной почве: «По случаю увеличения цены на муку и другие продукты размола, а также крупы и пшено, вчера с раннего утра у лавки т-ва Соломыкова и Горяинова на Генеральной ул. собралась толпа и потребовала отпуска хлеба по старой цене. Толпа ворвалась в лавку и стала грозить, что возьмет хлеб бесплатно в случае неудовлетворения её требования. Увещаниями чинов милиции толпу удалось успокоить, причем хлеб из лавки отпускался по старой цене».²¹

Цепная реакция хлебного кризиса привела к остановке мельниц. Из уездов Курской губернии в губернский продовольственный комитет поступали сведения, что мельницы бездействуют «за отсутствием потребного количества зерна и топлива».²²

Белгородский уездный продовольственный комитет сообщал, что положение продовольственного вопроса в городе очень тяжелое. Крестьяне хлеб не везут, несмотря на двойные цены. Помещичий хлеб на исходе. Надежды получить хлеб из деревень нет никакой, так как в большинстве волостей недород. Крестьяне категорически заявляют, что хлеба не повезут до тех пор, пока не будут даны им мануфактура, железо, керосин, кожа и т. д. Наконец многие надеются на дальнейшее повышение цен. Комитет просит о самой решительной поддержке, иначе город не сегодня-завтра останется без хлеба.²³

Ещё одним «социальным громоотводом» хлебного кризиса стали ... жители Калужской губернии. «Свободная речь» писала: «Свою лепту в хлебный кризис внесли калужане. О наводнивших наш город калужанах приходится говорить еще и еще. Оказывается, есть голодные и неголодные калужане. Последних особенно много. Их яркие фигуры можно встретить на местных рынках, а в особенности в наших народных чайных, где ютятся разного рода дельцы: мелкие торговцы, спекулянты и проч. Здесь часто совершаются разного рода сделки по купле-продаже и в особенности на «запрещенный плод» – ржаную муку.

Продают муку – калужане. Выпросив в продовольственном комитете известное количество муки, прибегая и к слезам и запугиванию голодной смертью – калужане спешат не на вокзал с целью отправиться к голодной семье, а к местным и приезжим перекупщикам. Приобретая муку на местных складах по 7 руб. за пуд «голодный» калужанин тут же в Курске, без особых хлопот, перепродает муку по 30 руб. за пуд».²⁴

Идея с калужанами пришла по душе Губернскому продовольственному комитету, выступившему с заявлением следующего содержания: «...Сим доводим до сведения жителей города Курска и его пригородов, что вследствие совершенно прекратившегося подвоза ржи, обусловленного контрабандным вывозом калужанами хлеба, закупаемого ими по двойным или даже тройным ценам против цен, установленных Временным Правительством, Курская городская управа вынуждена с 19-го сего октября прекратить, впредь до особого объявления, отпуск ржаной муки, предоставив населению получать пшеничную муку взамен ржаной по коричневым карточкам».²⁵

Вместе с тем, вывоз хлеба из губернии продолжался прежде всего на официальном уровне. По плану министерства продовольствия при снабжении населения хлебом в текущем месяце, количество хлеба, подлежащего вывозу из пределов Курской губернии по сравнению с сентябрьским планом, увеличено на 10000 пудов.²⁶ Эти действия центральной власти в совокупности со спекулятивными частными сделками и ажиотажным спросом на зерно и муку не способствовали выходу из кризисной ситуации, а лишь «тащили» за собой другие продуктовые и мануфактурные проблемы.

15 октября 1917 г. Курский Губернский Продовольственный комитет довел до сведения жителей города Курска и пригородов, что выдача карточек на право получения лузги (*полые гречневые оболочки, которые снимают с ядрышек при их обработке – В.Р.*) временно приостановлена, т.к. имеющихся запасов, в виду

слабого подвоза гречихи для переработки, не хватает даже для удовлетворения тех разрешений, которые выданы были до настоящего времени. Отпуск лузги по ранее выданным разрешениям будет впредь производиться только в размере месячной потребности. О времени восстановления выдачи карточек будет объявлено особо.²⁷

Не хлебом единым жив человек. Стремительный рост цен на другие продовольственные товары требовал решительных и эффективных мер. Избранной Временным Правительством мерой стала самая плохая мера – установление твёрдых цен на другие виды продуктов. 15 октября курские газеты растиражировали новость из столицы: «В связи с повышением твердых цен на хлеб, в пределах Курской губернии на срок по 1 января 1918 года устанавливаются следующие новые твёрдые цены: на крупный рогатый скот 15-пудоваго веса – 12 руб. пуд. Мясо этого скота в 6 пудовых тушах: 1-ого сорта 23 руб. 60 коп. пуд, 2-ого сорта 22 руб. 40 коп., на овец, овчина которых непригодна для полушубков – 10 руб. за каждый пуд живого веса, а с овчиной, пригодной для полушубков – 10 руб. 50 коп. пуд. Цена на баранину установлена: 19 руб. пуд. На живых свиней: кормленных, весом от 4 до 6 пудов – 22 руб. пуд, от 6 до 7 пуд. – 24 руб. пуд, весом свыше 8 пудов – 28 рублей пуд. Цена на некормленных свиней всякого веса установлена по 22 руб. пуд живого веса. На свиные туши откормленных свиней: туши без головы и без ног, весом от 3 до 4 пудов – 34 руб. пуд, туши весом от 4 до 5 пудов – 36 руб., туши от 5 до 6 пудов – 38 руб. и туши свыше 6 пудов – 39 руб. На сало топленое говяжье и баранье цена установлена в 40 руб. пуд, а на техническое всех видов – 32 руб. пуд. На сырое сало (боковое – шпик и внутреннее – сдёр), соленое вполне готовое и топленое свиное – 56 руб. пуд, сырое – 52 руб. пуд».²⁸

Распоряжением министерства финансов с 1-го ноября 1917 г. была введена казенная монополия сахара. Продажные цены на сахар составили: сахар песок за фунт – 1 руб. 42 коп., сахар рафинад – 1 руб. 50 коп.²⁹

За продовольственным разразился товарный кризис. Магазин Чернова организовал распродажу мануфактуры для городской бедноты и беженцев. Очереди с 16 час. занимали на следующий день. У дверей магазина ночевали десятки людей, а рано утром выстраивались бесконечные «хвосты».³⁰

Газета «Свободная речь» сообщала: «Вчера в магазине Кобозева на Красной площади производилась продажа резиновых калош. Ещё с ночи под дождем около магазина стоял огромный хвост. В 8 часов утра торговля была открыта, причём к тому времени собралась тысячная толпа. Наряд милиции не в состоянии был сдерживать толпу, которая принимала угрожающий характер. Стали раздаваться крики с угрозой громить магазин. Во избежание эксцессов был вызван наряд кавалеристов в 50 человек, после чего порядок восстановился. Большинство покупателей являлись солдаты. Покупалось по 3–4 пары одним. Против этого пришлось принимать меры со стороны представителей продовольственного комитета.

К часу дня калоши были распроданы или вернее, разобраны, так как в такой сутолоке, товар брался больше без денег. В результате продажи несколько человек оказались помятыми, после чего они были отправлены в больницу. Интересно, что калоши, купленные в магазине Кобозева, появились на толкучке и продавались по вздутым ценам».³¹

Наступающие холода ставили перед городским самоуправлением и гражданами сложную задачу обеспечения города топливом, которым в то время в подавляющем большинстве являлись дрова. Ещё весной 1917 г. Курский Временный исполнительный комитет выступил с обращением к гражданам: «Трудная задача снабдить город Курск топливом понемногу разрешается в лучшую сторону. Состоялось соглашение с железными дорогами, городом и торговцами дровами; на днях придут в Курск дрова и будут прибывать далее. Приняты меры и к тому, чтобы дрова были заготовлены к будущей зиме. Поэтому просим богатых людей не увлекаться покупкой большого количества дров, пусть каждый покупает столько, сколько необходимо на ближайшее время, чтобы таким образом поступающие дрова распределялись между населением <...>

Дрова сильно понизились бы в цене и сейчас если бы гужевая перевозка в городе и деревне получила более нормальное направление. Граждане, возчики, ломовые! Направьте это дело, сбавьте цену за перевозки, не заставляйте прибегать к мерам принуждения, нельзя брать такие цены за перевозку дров, как теперь. Мы знаем, что подорожал корм, кожа, железо, веревки, но не на столько, насколько вы повысили цены за перевозку. Граждане потребители, торговцы, ломовые! Объединимся в дружной работе, поможем друг другу, проявим гражданский долг, и дело наше наладится».³² Осенью 1917 г. положение с топливом изменилось только в худшую сторону.

Доклад о финансовом положении города, прозвучавший 9 сентября 1917 г. на заседании Курской городской Думы, выявил печальную картину полного развала городского хозяйства, обременённого громадным финансовым дефицитом при полном отсутствии наличности. Для пополнения растроченных специальных капиталов и удовлетворения других насущных расходов городской управе требовалось 750 тыс. руб., которые могли быть получены только путем займа. Кроме того, финансовая комиссия предложила занять еще 450 тыс. руб. для создания доходных статей для заведения собственного перевозочного обоза, оборудования продовольственных и мясных лавок и др.³³

Из доклада товарища городского головы на заседании стало известным, что на призыв управы и к городскому населению прийти на помощь городской кассе отозвалось лишь два человека «из буржуев» – Фрид и Виленчик, которые пожертвовали 1500 руб. Голос городской управы остался почти «гласом вопиющего в пустыне».³⁴

Общее обнищание, набравшее стремительные обороты с конца лета 1917 г., сопряжённое с продолжающимися тяготами войны и «многовластием», а фактически – безвластием, приводили к массовой девальвации нравственных устоев и игнорированию законов.

Вот образчики глубины переживаемой катастрофы. В виду все возрастающей дороговизны, многие хозяева совершенно перестали кормить принадлежащих им дворовых собак. Особенно это наблюдалось на окраинных захолустных улицах, где проживали менее состоятельные курыне. И голодные «друзья человека», если не попадались в петлю гицеля – лица, занимающегося в городах отловом бездомных животных – вынуждены были жить впроголодь, что отнюдь не способствует смягчению их и без того не мягкого нрава. Не мудрено, что злые, голодные псы впадали в невиданное до селя ожесточение и не давали никому прохода. Горожанам приходилось наблюдать сцены, когда дети и даже солидные дамы, атакованные стаей голодных собак, в испуге спасались на заборах, на которых восседали до тех пор, пока их не освобождали от собачьей осады случайные прохожие, вооруженные тростью или палками. Животные начинали разделять участь своих хозяев: злость и ожесточение тех и других разрастались с каждым днём.³⁵

Примером дикой расправы может служить происшествие, описанное «Свободной речью»: «На 3-й Сергиевской улице, в саду при доме Кудрявцевых, 12 августа произошла дикая расправа детей владельца сада над мальчиком М. Самойловым 12 лет. Из показаний многочисленных свидетелей, обывателей 3-й Сергиевской улицы, данных начальнику 1-го милиционного участка 17 августа по жалобе матери потерпевшего, дело представляется в следующем виде. Проходя вблизи обнесённого с улицы забором сада Кудрявцевых, свидетели слышали раздирающие душу крики ребенка и глухие удары, наносимые кому-то и отзвуки, как бы от падения тела. У забора сада собралась толпа, начали стучать в запертую калитку двора, с требованием прекратить насилие. Но калитку не открывали, и экзекуция продолжалась, а крики жертвы постепенно слабели. Вскоре кто-то из сада стал перебрасывать на улицу полуживого мальчика, но это не сразу удалось. Мальчик 3–4 раза падал с высоты забора, его вновь подымали и бросали, и наконец уже кто-то за ногу перетащил его через забор и бросил на улицу. Очевидцы показывали, что все бледное лицо и голова мальчика были в синяках и кровоподтеках. М. Самойлов, играя с товарищами, взлез на забор Кудрявцевых. В это время его схватили за ногу дети Кудрявцевы Василий и Славик, и их товарищ Евгений – парни 16–17 лет, учащиеся в наших средне-учебных заведениях, и учинили над ним самосуд. На расспросы очевидцев, за что они били мальчика, эта молодежь цинично отвечала, что это ни до кого не касается и с своей стороны спрашивала: «А скоро будут хоронить избитого?!».³⁶

Современники событий 1917 г. отмечают, что детям зачастую приходится обращаться или к родителям, или к учителям в школе с просьбами разъяснить им значение слов «большевик», «меньшевик», «бунд» и т. д.³⁷ К сожалению, нередко и родители, и некоторые из учителей, сами не могли дать себе ясного отчета о действительном значении этих «модных» наименований.

Зато были понятны без всяких объяснений, на основе собственного горького опыта такие термины как «дороговизна», «нужда», «голод», «безденежье» и т. п. Инстинкт выживания толкал людей на решительные и

кардинальные действия против тех, кто был определён виновными – существующей бесхребетной власти.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Курский край. 1917. 8 марта.
- ² Курский край. 1917. 16 марта.
- ³ Курский край. 1917. 16 марта.
- ⁴ Курский край. 1917. 16 марта.
- ⁵ Курский край. 1917. 16 марта.
- ⁶ Журналы заседаний Временного правительства: Март-октябрь 1917 года. В 4-х т. Т.1. Март – апрель 1917 года. М., 2001. С. 169.
- ⁷ Собрание узаконений. 1917. № 85. 18 апреля. Ст. 487.
- ⁸ Курский край. 1917. 25 июля.
- ⁹ Свободная речь. 1917. 25 августа.
- ¹⁰ Курский край. 1917. 25 июля.
- ¹¹ Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. Р-322. Оп. 1. Д. 61. Л. 242.
- ¹² Свободная речь. 1917. 25 августа.
- ¹³ Курский край. 1917. 30 июля.
- ¹⁴ Журналы заседаний Временного правительства: Март-октябрь 1917 года. В 4-х т. Т.4. Сентябрь-октябрь 1917 года. М., 2004. С. 29-30.
- ¹⁵ Курская жизнь. Курск, 1917. № 59.
- ¹⁶ Курская жизнь. Курск, 1917. № 59.
- ¹⁷ Курская жизнь. Курск, 1917. № 60.
- ¹⁸ Курская жизнь. Курск, 1917. № 60.
- ¹⁹ Курская жизнь. Курск, 1917. № 58.
- ²⁰ Курская жизнь. Курск, 1917. № 60.
- ²¹ Свободная речь. 1917. 12 сентября.
- ²² Свободная речь. 1917. 12 сентября.
- ²³ Свободная речь. 1917. 28 сентября.
- ²⁴ Свободная речь. 1917. 15 октября.
- ²⁵ Свободная речь. 1917. 24 октября.
- ²⁶ Свободная речь. 1917. 18 октября.
- ²⁷ Свободная речь. 1917. 15 октября.
- ²⁸ Свободная речь. 1917. 15 октября.
- ²⁹ Свободная речь. 1917. 24 октября.
- ³⁰ Курская жизнь. Курск, 1917. № 61.
- ³¹ Свободная речь. 1917. 15 октября.
- ³² Курский край. 1917. 16 марта.
- ³³ Свободная речь. 1917. 12 сентября.
- ³⁴ Свободная речь. 1917. 15 октября.
- ³⁵ Свободная речь. 1917. 25 июля.
- ³⁶ Свободная речь. 1917. 20 августа.
- ³⁷ Свободная речь. 1917. 19 октября.